

ИМЯ СОКОЛОВ

Мрачная
Катрен

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Соколов

Мрачный катрен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34343601

SelfPub; 2018

Аннотация

Что лучше всего объединяет людей? Магия и алкоголь? Как весело провести время в одиночку? Стрелять взглядом из окон? Что можно почувствовать в доме-наркотике? Дримпанк, вирд и просто фантастику. Сюрреализм в обычной жизни и кибернуар за её гранью. Любовно-романтическую реальность сновидений и белый мрак темноты. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Приход ухода 20??	4
Япония	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Приход ухода 20??

Все началось с того, что я расхерачил букридер. А после этой страшенной процедуры – опять поглядел фильм про убийцу полицейских. Я часто его смотрю; просто хороший фильм, по книге.

В окно долбили сороки, а я пошел умываться. Затем все почернело (я сразу вспомнил про Блондиночку), и музыка упала с потолка.

После всего мне пришлось уйти из суеверной квартиры. Сам не заметил, как оказался в каком-то баре. Красивая телка за два стола от парня рядом со мной кокетливо плюс стыдливо прячет за ручками-ладошками свою промежность, кричащую из-под юбки.

Да кому здесь вообще нужны твои трусики?! Мне...

Пиво мурлыкает при нажиме на стакан из пластика судьбы. Негритянка (с автозагаром) блюет на заднике кафе (тот, первый, бар я бросил). Погода «плавает». Да что там погода – время года не пойми какое.

У банкомата на углу в мою сторону смотрит снеговик. Недобро так смотрит...

Пальмовый ливень мокнет сам от себя. И только я обратил внимание на то, какой дерьмовой жизнью я живу, как тут же по придури устроился расклейщиком объявлений. А

в напарники мне достался воображаемый дебил, настолько неумелый, что с трудом отличал клей от полноценного скотча...

Его сбила машина.

А я уволился через пару лет (или недель).

Тут-то мне снова и встретился мой старый знакомец. Алекс. Он все так же выглядел как матрос дальнего плавания, уволенный за пьянку...

– Хватит уже смотреть порнуху под музыку. – Фраза, брошенная на законное место приветствия, была вся кстати.

– Шарф что ли потерял? Я тебе его дарил, помнишь? – Вопросы, вопросы.

Он светло курит, стыдливо пронося мозг, щеки и глаза мимо дыма.

– Куда-нибудь пойдём?

– Ещё бы...

Покинув «мусарню», мы с Алексом направились к фонтану в парке (на самом деле никакого фонтана там не было, просто кран, который торчал из земли, как упрямый локоть). Алекс по дороге опять закурил, а я мысленно любовался небесной гладкостью, не подавая вида.

Мы тут же натолкнулись на Блондиночку. Она, красивая и нигилистская, шла по аллее с таким видом, будто тянула тысячу призрачных голосов за собой.

Поздоровались (мы ее давно с Алексом знали), пообнимались коротенько, я успел чмокнуть ее в щечку, затем в мочку

уха, в ресничку, упавшую на сексуальнейший нос, и куда-то еще, после чего остался вкус сладкой гадости медово-карфельной гаммы.

– Вы куда-то тащитесь? – спросила Блондиночка, возбудившись. Алекс многократно кивнул, а я попытался лукаво не перегреться на солнце.

Блонди-телка, можно сказать, возглавила нашу «ходку». А походка-то у нее более чем приятно-притягательная, мягкая как у кошки весной.

Небесные трамваи пылятся по линиям среза третьей ветки кипарисовой березки, что притаилась посреди подземного парка (да, теперь мы троицей талантливых в безумии людей идем по пространству подземно-могильной дороги).

В одном из закутков блюет зеленая собака.

В другом, который поуютней, пристроилась (друг к другу) парочка любителей анально-скорого проникновения; он у нее со спины...

Сфоткав эту секс-сценочку, Блондиночка возвращает Алексу телефон (он у него в виде крупной конфеты), а после сообщает с деловитой бессмысленностью:

– У меня идея года! Давайте в кино пойдем.

Благоухающий взглядик ее глаз заставляет меня согласиться на все условия (и в который раз убедиться, насколько я люблю лучистый синий).

Алекс глупо вопрошает, будут ли там голые дельфины, на

что Блондиночка отвечает легким шлепком по его взъерошенному затылку.

Покидаем подземный «гараж» пустоты, бодро бредем по солнечной улочке, а простенькие как полынь прохожие продолжают поражать собственным поведением: вот какой-то парень с пьяной походкой заметно боится цирроза; цементный офицер розовеет при каждой затяжке на дымчатых колготках своей спутницы с лицом типичной певички; некая дамочка, громко обсуждая по переговорному устройству свою постельную жизнь, с обидой сетует на расчлененку в сериалах, якобы из-за которой ее муженек слишком кроваво кончает, а сперма у него стала слишком соленая; лысоватенький бухгалтер водит очками по стеклу ресторана, заметно мешая посетителям набивать желудок исполинского осьминога (ось, минога) всякой мясной нарезкой; маленький мальчик прется на свидание к маленькой девочке в маленький номер в мини-гостинице с большим микробаром; ряженные в пришельцев придурки столпились у ларька и штурмуют его, словно стая фанатиков таблоидной дружбы плюс классных сисек на обложках; на облаках, срываясь в шепот неразличимых звезд, кто-то Высший стенографирует жизнь игры самыми важными в мире знаками...

– Бля, паспорт надо! – ужасается Алекс, когда мы в алко-маркете у кинотеатра покупаем бухло, чтобы пронести его в зал и выпить. Алекс действительно выглядит довольно молодо.

В темноте кинозала, сидя рядом с нашей Блондиночкой, прихлебывая пойло, я уже в который раз замечаю, насколько мне приятно находиться вблизи от нее. Очень приятно. Мне нравится аромат этой девушки, ее отношение к жизни и ко мне.

Пока я люблюсь своей подружкой, подвыпивший Алекс устремляется прочь по проходу, чтобы рухнуть на какую-то тетку, расплескивая поп-корн. При этом я посекундно вспоминаю тот момент, когда мы с Блондиночкой влезли на очень красивый чердак, где после выпили винища, а затем она настойчиво полезла ко мне...

Я весь рот (да и лицо целиком) тогда измазал в ее сладком секрете. Она тогда еще сказала:

– Я трезвой без тебя жить не смогу.

Но она все-таки протрезвела...

А сейчас, отмахав Алекса от взбесившейся тетки, пропустившей кульминационный момент фильма про женатых зомби, наша слегка пьяная троица села в самолет. Он, правда, дышал жаром под видом аттракциона в ближайшем развлекательном (сам себя) центре. И рядом со мной, вжавшись в кресло, расположилась чудесная брюнетка, привлекательная всей душой.

Пока мы над чем-то «летели», она прокричала (чтоб слышал лишь я), что зовут ее Красотка-Комсомолка.

Заслышав, что смазливо-симпатичная девчонка, флиртуя, знакомится со мной в самолете, блонди-диктатор начинает

ревниво мусолить Алекса, который с радостью ей отвечает...

Мы покидаем «синему» развлечений; Красотка-Комсомолка с нами не идет.

Благополучно добредаем до набережной. Река не широка; синюшная вода на этот раз почти печалится по своему покою. Даже брошенный в нее окурок Алекса реку не возмущает.

Мы переходим по ломкому мосту на другой берег, там словно существует другой мир. Слегка зеленые деревья толпятся в легкой темноте перед проходом в заброшенную клинику для душевноздоровых.

Здание старое, в несколько этажей, покоится квадратом с острой крышей, как коробка на берегу. И в ней, конечно, пусто.

Перелезаем через забор из бетонного крошева, пробираемся под сумрак старых стен и потолков. Под нашими ногами «стонут» слова и фразы на непонятных наречиях (ими исписан весь пол первого этажа).

На втором Блондиночка замечает картину выцветших красок, висящую в проеме так, что в загадочную комнату за ней попасть невозможно без вмешательства в одинокую частную жизнь этой странной картины.

На ней нарисованы мы: потрясающая по красоте Блондиночка, всегда чуть расхлябанный Алекс и я (почему-то с растрепанными волосами цвета адской сажки весной).

Блондиночка фоткает картину на «конфетный» телефон

Алекса. Мы восходим на третий этаж, за ним – четвертый; там просто пустота, большая комната, проломы окон.

Я прислоняюсь к обшарпанной стене местных сумерек и, съехав по ней спиной вниз, сажусь на корточки и смотрю на своих спутников-друзей.

Ох уж этот мне женский миг моды: Блондиночка, вынув из кармана курточки зеркальце, ловко поправляет прическу. По мне – так лишнее; она и так красива до могилы.

А Алекс чуть поодаль, оперевшись рукой на пыльное оперение подоконника, глядит рассеянно в окно. Он, вроде, видит старый сад на заднем дворе клиники. Кусты среди деревьев в запустении. Над ними небо будто осени (а может, и весны)...

В общем, сейчас мы в точности повторяем ту картину у входа в загадочную комнату. Да и фотку в телефоне Алекса тоже повторяем.

Налюбовавшись собой, Блондиночка убирает зеркало обратно в куртку. Алекс поворачивает свое синеглазое лицо к нам и произносит:

– Считается, что электричество с водой несовместимы. Ну плохо сочетаются, и всё. Но при этом в человеке, который состоит на множество процентов из воды и прочих жидкостей, без электричества нейроны головного мозга будут бесполезны, да и все тело окажется бессмысленным мясом без прописки... Удивительно, правда?

Закончив свой спич, Алекс отходит от окошка.

– Наверное, ты выпить хочешь? – ухмыляется Блондиночка. Алекс глядит на меня и кивает.

Мы втроем покидаем заброшенную больницу.

Направились в бар «Огненная русалка» (там клевый потолок)... По дороге ко мне подкатила цыганка, думал, станет приставать, но она лишь поведала – «Сын это сны...» и куда-то моментально исчезла, визуальнo всосавшись за гаражи.

В «Огненной русалке» мы заказали едва ли не ледяного пива; я сел напротив окон, тем самым оставив Алекса к залу заведения синеглазым лицом.

Блондиночка, махнув рукой какой-то симпотяжке в знак приветствия, нахально нам сообщила:

– Эту красотку, я погляжу, обожают везде, куда бы она ни пошла. Все мужики так похотливо на нее глазают... Аж завидно.

Она кокетливо чмокнула несколько глотков пивка из моего стакана.

– Да брось ты! – протянул Алекс, тоже отъявленно плясая на миниатюрную красавицу. – Ты же лучшей *любой*.

– Спасибо, котик, – улынулась Блондиночка, – так приятно...

Пока они любезничали, я, чуть обернувшись, смотрел на мини-красотку и ее спутника (вполне обычный паренек, который, в свою очередь, наблюдал за нами).

– Ее зовут Игрушка, кстати. – Повелада наша беловолосая леди, опять домогаясь чужого пива – на этот раз Алекса.

На экране барного телевизора демонстрируется следующий поток «киберпатоки»: пронзительное небо, в которое легко смотреть и ничего не видеть; клип очередной силиконовой симпотяжечки; траурный ролик про старика без левой руки; снимки сонных акул в глубине темноты; изображения существ-сущностей, которые появляются каждый раз, когда ты закрываешь глаза или моргаешь.

Затем включают эпизод дебильного фильма, где по улицам города скользят потоки толи спермы, то ли известки, а паникеры-горожане, не слишком успешно спасаясь беготней, массово гибнут «под колесами» безжалостных белых селей...

Я отворачиваюсь от экрана. Блондиночка с хитринкой глядит на меня так, будто способна уместить Вселенную в одной строчке.

Через секунду ей станет скучно и захочется пойти куда-нибудь еще. Алекс точно будет не против.

Покинув «Огненную русалку», мы втроем гуляем по городу. На улицах царит ночь, ранняя и терпкая. Блонди(ночка) просто прекрасна сейчас. На ее сладком лице то и дело появляется едва заметная улыбка.

Заметно захмелевший Алекс вдруг предлагает навеститься в главную городскую библиотеку, мимо которой мы как раз

и проходим.

Пузатое здание библиотеки пустует почти круглосуточно.

Тихо заходим внутрь; стеклянные двери смыкаются за нами. Будить уснувшего охранника-вахтера мы, конечно, не стали. Прошли по лестнице наверх.

Большой читальный зал был пустым и темным. Через стекло/стену пробивались сонные отблески уличных огней. Город будто находился в параллельном мире.

Мы с Алексом, выбрав для посиделок место поближе к огромным окнам, открыли очередную спиртную бутылку и продолжили «вечер встречи».

Наша чудесная спутница наслаждалась видом (большой читальный располагался на достаточной высоте)... Я встал из-за библиотечного стола и подошел к Блондиночке. Она продолжала смотреть на городскую ночь. А потом указала кивком на окна здания напротив...

Это была гостиница. Только в одном номере горел свет.

Там были мы, как бы не живые, но и не мертвые. Вторые Блондиночка, Алекс и я. Мы выпивали, веселились, сидя вокруг небольшого столика; хорошая компания друзей.

– Вы на что там пялитесь? – вопрос все более хмелеющего Алекса растаял в полутьме читального зала.

Ни я, ни Блондиночка не стали ему отвечать. Незачем сводить с ума пьяного друга (он и так уже довольно безумен). Мы просто стояли у огромных окон, рассматривая «самих себя» из темноты.

Алекс снова налил себе выпить. И про меня не забыл. Наша расчудесная блонди-подружка, отвернувшись от стено-стекла, подошла к Алексу и, мягко перехватив у него бутылку, по-особому нежно к ней приложилась. Ее глоточки словно завершали что-то, может, не очень важное, но во всяком случае – значимое для меня.

Я опять посмотрел на тусклые огни города. По улицам бродило одиночество. Твое и мое.

Бесшумный ветер дразнил огни фонарей у реки. Они сквозь мелкие волны сна глядели на воду. Листва шуршала шторами углов бытия, перематывая близость друг к другу. И все, кто чувствовал эту самую близость, словно бы сами становились огнями.

Сутулый ветер уносил прочь наше прошлое.

Твое и мое...

Блондиночка отлепила от бутылки свои сладкие губы. И улыбнулась мне улыбкой очень счастливой девушки.

Ночные огни продолжали гореть.

Япония

Гвозди под язык лезут сами собой...

Его преследуют, он убегает. В любом заведении, где имеются фотопортреты, он способен на все... Заходят трое: он видит их издалека. Любые жесты агрессии в его сторону разбиты тут же – из фотографии Мэрилин Монро откололось изображение и воткнулось в преследователей зеркального парня. Они было попытались отстраниться, но озверевшая красотка, перевернув пару столов, стала мастерски разбирать говнюков-преследователей на составные части...

В свете фригидных ламп этот парень покидает задрипанный бар.

Фокус с фотопортретами – это еще не все. Также он может устроить слежку через собственные фотографии, размещенные в открытом доступе в Сети. Его глаза способны смотреть действительно далеко.

В проеме ближнего квартала ему встречается кричатель.

Теневой парень подходит ближе, стараясь не вспугнуть согбенную фигуру в шляпе и капюшоне. Кричатель что-то шепчет. Это улица и номер, номер и улица. Он сообщает парню чей-то адрес.

Ночные домики, жилая высота. Темнота за всеми столбами. Прохожих нет вообще. Луна заползла в какие-то тучи...

Вот уже и нужный район.

Железная картонка двери скрипнула, пропустив. Замок домофона был сломан. А в подъезде был лифт. На нем парень и домчался до той самой квартиры. Скупая трель звонка. Открыла обалденная девица. Бегло оглядев, пригласила без слов.

Квартира выглядела экспонатом с выставки вульгарного авангардизма при студенческом морге. Самобытная обстановочка: окровавленная тряпка вместо шторы, тигровые порезы на стенах, колышущаяся люстрочка, соломенная мебель (омытая самосознанием солнца), силовой квадрат телекомпьютера.

Хозяйка была великолепию подстать. Одушевленная, но совершенно бездушная. Роскошная красотка. Даже воображаемый друг от нее убежал...

Уселась на диван и приказала:

– Вруби камин и трахни меня.

Чем красивее у нее лицо, тем сильнее хочется добраться до ее задницы.

Парень с улыбкой опустил на колени (между раздвинутых ног не смотрящей на него девицы), собираясь взять от нее максимум удовольствия, но до успеха не дошло. Злобная херота появилась из шкафа. Выскочив на ковер, загромыхав, оно стало шебуршать по воздуху своими шизофреническими ручищами, очень отвлекая от орального секса. Эта хреновина представляла себе, что она – нечто среднее

между слабеньким пылесосом, бульдогом и бульдозеристом, уволенным за несоблюдение.

Несостоявшиеся партнеры по любви практически не опешили даже. Хозяйка хаты монотонно закатила глаза, подавляя зевок мозга, а не-ее-парень, стойко вскочив, сочно шлепнул этого широкополого «гостя» по рылу. В руке парня оказалась моментальная кочерга, которая и пошла на контакт с объектом. Злобный металлический мудака завалился на бок, скандаля лапами, будто отмахиваясь от двух комаров-упырей. Кочерга пропала через секунду.

Поглядев на груды мусорных плоть-обломков крайне недовольно, хозяйка квартиры оторвала свою попку от дивана и подошла к окошку, прямым за которым скопилась под давлением тьма. Белокурые окурки наводняли пустыню-пепельницу на подоконнике.

Девушка мрачно взгляделась в куб черноты (там улыбалась условная Япония), обернулась к парню и промолчала.

– Не думаю, что сорвалась лучшая ночь в моей жизни. – Произнесла она перед тем, как выставить его из квартиры.

Другой животрепещущий момент начался для него почти случайно...

В сборнике магазинов парню повстречался Умник. Он (ночной парень) просто шел себе вдоль полок и думал: «Это не влюбленные пары, нет. Это какая-то реклама. Девичье стремление пристроиться к наиболее сильному, красивому и

успешному, навязанное извне с раннего детства. Из глубины веков. Из первых секс-экспериментов древности».

Вот тут-то к нему и подскочил дурацкий Умник со словами:

– Ну все... Теперь за тебя ни одна точно не выйдет.

– Можно подумать, раньше они все стояли в очереди.

Обмен любезностями неожиданно скатился на подсознательный уровень. Глубинный принцип накаливания крайне невыносим, но абсолютно ясен. Актер озвучения читает книгу на бегу, а микрофон для записи подвешен перед ним (и когда актер-голос хочет чихнуть или хотя бы просто отвернуться, микрофон лупит его по боку щеки).

Крысястому парню сегодня повезло. Ему по ошибке прислали ультраниум, вызывающий рак у смерти. Крысястый так взволновался, что не смог полноценно расслабиться на работе. Вместо сонливого изображения занятости повседневщиной ему пришлось будоражить мозги мыслями о том, куда он, падла, ухнет денежки, если «толкнет» опасный камушек наиболее выгодно. Как результат – лопнувшая аневризма со смертельным исходом для крысястого.

Полноватая плохая училка (которая делать больше ничего не умеет) учинила себе вкусовой карнавал. В ход пошла соленая рыба, шоколад, крупички курицы, имбирь, консервы, соя, бутерброды... Училку раздуло через три часа обжорства. А затем она изменила свою *форму* крови. И перестала преподавать, найдя работу в модельной сфере.

Индец-индастриал всегда скептически воспринимал чрезмерное потребление пищи. Высокий, строго очерченный, волевой, древоподобный. Большую часть жизни он не показывался... Золотой скорпион у него на куртке мог многое понять, но никогда не высказывался ни по какому поводу вообще.

Сыромятный полдень принес индейцу невероятно высокий уровень масштабной индастриализаций. Все стало правильно-верным, красивых размеров, чудовищных форм. Су-масбродное замыкание заиграло рольшторы.

– Какая еще роль шторы? – Умник не поверил своим мозгам. Умелый парень срезал его, словно кретина.

– Умным быть сейчас не особенно круто. Круто быть веселым и сильным.

Зеркальный парень (почти утратив непрозрачность) сидел и слушал болтовню за соседним столиком. В ней участвовали: стройная милашка, очкастый чувак с красивым длинным носом и еще какой-то шизик.

Девушка попеременно пила сладко-зеленую дрянь коктейля и говорила:

– Одна моя дурацкая подружка все время кичилась: «Я самая смелая алкогольичка». И ей всегда мечталось о киносчастье...

Милейшая барышня прервалась ради густого глоточка, затем продолжила:

– И вот она с легким сердцем и пустым кошельком спешит сниматься во всякой ерунде. После первой роли, в которой хотя бы были слова, эту чудесную актрисульку замечают жадные до воплощения желаний в жизнь воротилы шоу-бизнеса...

Парни слушают почти внимательно (впрочем, как и наш зеркальный герой). Милашечка вспоминает дальше:

– Так вот, ее, всю такую на все согласную, берут в оборот. И через секунду-другую она превращается в начинающую куклу для секса перед камерами, от которой вообще никто не ждет ни единого слова из репертуара мировой драматургии.

– То есть, – вопрошает длинноносый мистер, – эту тетю теперь не тревожит вхождение в роль?

Все улыбаются. И девушка спрашивает:

– А как будет правильной: *трахнул* ее или *трахался с ней*?

Другой (шизанутый) чувак говорит:

– Правильно будет, если *они* занялись сексом.

«Красивый нос» влажно кивает своей врожденной важности:

– Физические упражнения заменяют секс. Секс заменяет физические упражнения...

– Наслаждение высшее через что-то низшее... – шизик неуверенно затрепетал и заерзал. Подвыпившая милашка с усмешкой приложила к нему глаза:

– Сатана сказал бы что-нибудь типа: «У вас интересный

мир, ребята. Вам важен какой-то там секс...»

Беседовавшие немного подзаткнулись. Но ненадолго.

– У него, наверное, такие рога роскошные! – Девушка метнула возглас за спину длинноносому. Тот, чуть пригнувшись над столом, бодренько смешал плавные шахматы, чтобы изобразить приготовления к дороге. Их друг сказал:

– А если человек дожил до старческого маразма, то он после смерти предстанет нам таким же, каким был лет в двадцать? Или даже на том свете будет бляеть про «не помню», пуская слюни?

Эта фразочка была последней, которую позволил себе услышать наш парень от троицы перед тем, как свалить из японии мира.

* * *

Итак, живу я сейчас на пустом этаже, в квартире, вид из окон которой уносит прямиком к звездам, когда на улице ночь. Жилище не слишком роскошное, но стоящее своей цены. Больше в этой высотке никого нет вообще. Всех остальных перебросили куда-то (словно спецназ потребителей) или просто не заселили.

В общем, пустынно здесь...

Все мои друзья на самом деле как знакомые. А все знакомые – как незнакомые.

Суббота началась с того, что я бухал всю ночь... Веселье

спрессовалось в пустышку реальности. Последствия:

Мозг зарастает оболочкой, пульс мокнет, конденсируя кровь. Выступы, события, слезы. Мусорная мостовая трясется от страха, ей больше не нужны касания. Шаг света фонарей чуть сбивчив. А ночь глубокая и даже по-своему сочная, мягкость ее подобна кошачьей шерсти, что способна прикончить любого аллергика.

Поминаемый к ночи, он просто вышагивает по тротуару. Кибернетические монстры распластались внутри траура и тревоги. С ними всегда душа похожа на свалку. Кровь обращается во внутреннюю планету, на изгибах которой странствует песочный круговорот.

Я всматриваюсь в искажения множеств; психохимический кошмар превращает маленький остров в лунное крошево. Дробленные затылки пересвечены; компактное размещение всех важных центров в голове немного опрометчиво. Но за чем-то дается.

Смотанный телек валяется перед кроватью. Я же валяюсь прямо на ней.

«Пошеруди-ка мышью». – Слепое пламя пустоты. Высокие фигуры в коридоре. Расколотые голоса плюс минус шепот из(-за) стенок.

Мелькание под столом белого кота в темноте.

Он прошмыгнул за логотип на экране, спрятался там, в темном пространстве, а фильм ведь даже не заметил...

Двери, двери, еще двери, двери, странные двери, двери,

которые не вынести и не открыть, двери провисшие в пространстве, горящие двери, огнеупорные двери, выталкивающие всех двери... такие дверки, мимо которых не пройдешь.

Выходишь (за) в светлый воздух и смотришь на городскую высоту. И дальше больше ничего.

Я/пони/я

Что могло быть, то и было. Чего не было – быть не могло.

Я_по – ни я

Силуэты легкой смерти тебя заметили. Да и меня.

Агония

{Я}<п©>/ни[я]

Лицо бога за солнцем. Смеется над собой; ему всегда смешно.

Водопады секунд пересыхают, даже не успевая попасть в узкую заводь твоих возможностей. Теперь на все смотреть издалека.

Винт продолжает крутиться.

* * *

Небо как будто бесконечная доска, которой отгородились от нас. Такая синяя и с переливами; слабый фиолет в итоге стремится превратиться в насыщенно-голубоватый (чуть дальше ставший туманно-темным).

Адская кошка крадется по склонам огня. Я тоже крадусь, но мимо зеленой радуги, мимо сваренных в бассейне беге-

мотов, мимо сломленных сусликов, мимо скупых рыцарей, мимо праведных гномов-вампиров, мимо хищного военкомата, напрямик в район ближайшего кабака с кофе и водкой.

Плавню усиливаю свое улучшение...

Девушки продолжают играть роли дешевых шлюшек. В их разговорах слышны какие-то мифические (непременные) «мы»: она сама, его деньги и член (должно быть).

Провальный продюсер так ни с одной и не рассчитался.

За столик она села так, что все видно под юбкой. Ее затисканый взгляд. Мы выпили что-то; она отлучилась в туалет, потом туда наведалься я; по возвращении заметил ее сладкий взгляд, обращенный в сторону дурацких чизкейков...

«Бог – хорошо, дьявол – плохо». Сказала с безликой улыбкой. Призрачная пара коктейлей полноценно приплюсовались к ее красоте.

Я весело осмелился высказаться по поводу иллюзорности званных обедов, во время которых непохожесть гостей перекрывает общественный статус их скелетов (и мне кажется, что я весь такой проникновенный при этом, так уж что донельзя).

Все аватар-фотки удивленных людей в кафе перебросились на их лица. На меня уставились: миленький котенок, грудастая телка из аниме, невероятная херота (произошедшая, наверное, от куриц или попугаев), просто качок, узнаваемый актер и совершеннейшая простигосподи (но с фоном лучших интерьеров).

Некий расторопный идиот метнулся к вялой акушерке, совестливо сотрудничающей с какой-то там акулой. Добрые глупые мифы о старушке революции... Пульнул из пульта: и ножницами пуль разрезано кипящее небо. Круг красного солнца теперь безоблачно оптимистичен.

Я раскованно любуюсь правдой; мясные закуски поглощают суши и роллы; рискованные роли понравившейся девушки.

Дальше идет разговор по живому (пальцы растроганно мажут по клавиатурному набору в мозгу). Моя «напарница по развлечениям» блестит флуоресцентными ресницами. Теперь всю порхаю.

Рядом с нами обосновались роскошные маски. Все эти замужные малолетки. Все это лукавое величие городов течет прямо на нас, как ядерный сок.

«Семь поцелуев, пиво в правой руке. Ты была так близко, ну а я вдалеке». Обычная прогулка вдоль домов. Мне отчего-то вспомнилась та весна, воняющая любовью и страшными снами, которая оберегла людей, слишком способных нанести укусы и поцелуи...

– Хорошие девочки не делают на первом же свидании ничего такого. То есть, они обычно ждут конца свидания. – Глуповатая красота ее ухмылочки внушила другое воспоминание: астральную любовь, туман и грустный просвет, через него на солнечном «щупальце» светится сизая пыль. Она (призрак) высматривает его из-за шкафа (почти каждую

ночь), а этот он вообще ее не замечает...

Мы идем мимо небольшого парка (с чем-то важным внутри, под кронами деревьев из пластичной свободы).

Подъезд, высотный дом. Как думаешь, для чего двое, обнимаясь, могут зайти в квартиру?

Секретнейший отчет. Читайте в книге.

* * *

Все голоса у него в голове слушают и делают только то, что *он* им скажет.

«Был там у меня один, красивый, женский...»

Он научился притягивать к себе воду. Как луна. И вновь этот парень настроен играть своим зеркалом внешности со всем миром. Его очередной визит в кино не замеченным не остался плюс привел к появлению парочки приквелов для фильмов, на которые он не попал вовсе.

Зато в глубинах зала для зрителей, предпочитающих темноту, к нему подсел некий чувак – травяной наркоман без комплексов, видимых только под микроскопом, – и запросто заявил:

– Будь у меня деньги – друзья нашлись бы...

– Ты кто?

– Я тонкий, классный персонаж.

– И что дальше?

– Сравнительно ничего. Наушники громко не делай. Со-

седей в голове разбудишь.

Этот типчик надолго «приводнился» к парню, точно скупающая сущность из мира пошлых сновидений. Что за привычка такая: прийти, разбудить всех, а потом «Ты спишь? Нет? Ну спи, спи...»

– Побереги-ка девчонок. Пусть лучше достаются всяким говенным уродам.

В другой раз из-за него тошнило пассажиров. А кроме того, эта гнида «любитель травы» никогда не смывал за собой стремление к халявной власти и разношерстности нападок на собак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.